

27 декабря. Лаврентия

Дорогая Валентина Федоровна!

Пересылаю наброски о поселке Лорино, находящемся недалеко от Лаврентия, у самого Берингова моря.

Туда собралась настоящая экспедиция из работников отдела образования — провести школу, интернат и детский сад. Загрузили в машину коробки конфет — Новый год все же — и пригласили с собой меня. Добирались три часа, с остановкой. В самом Лорине пробыли столько же и вечером вернулись в Лаврентия. За три часа мало что узнаешь, но все же.

Сколько еще пробуду в Лаврентия — не знаю. До Нового года — точно. Может, еще напишу.

* * *

ДОРОГА В ЛОРИНО

Если верить картам, других дорог на полуострове Дауркина нет. Сразу за Лаврентия она ведет в гору, и открываются такие просторы, каких я еще не видел. Впечатление усиливает отсутствие всего, что мешает всматриваться в даль. Нет деревьев, кустов, нет ничего, что отбрасывало бы тень. Я не заметил ни одного острого угла, ни одной ломаной линии. Справа — плавные очертания белоснежных сопок, слева — невидимая дымчатая бесконечность: там, в нескольких километрах, — кромка Берингова моря.

Солнце сияло, не было даже малейшего ветерка, мороз опустился ниже тридцати. Километрах в десяти от Лаврентия встретились двое чукчей. Они шли из Лорина, один за другим, на расстоянии ста шагов. (Мы из одной деревни в другую шли бы

рядом.) Оба путника были в кухлянках и торбасах. На одном была вязаная шапочка и солнцезащитные очки, а другой нес шапку в руках. Идти зимой по тундре, а путь в Лаврентия занимает восемь-девять часов, опасности для них не представляет. В нашу сторону чукчи даже не посмотрели.

Скорость передвижения по зимнику не более сорока километров в час, что позволяет осматривать окрестности. Застывшее пространство всему придает ускорение, а на белом фоне фиксируется любое движение. Встречные собачьи упряжки промчались со скоростью, кажущейся бешеной. Так накатывается, с шумом проносится и исчезает скоростной поезд. Перебежавший дорогу заяц также показался невероятно шустрым. Здесь обитают еще полярные волки, которых лучше не встречать. Непонятно: где эти звери живут, куда прячутся? Все кажется открытым и доступным.

Ближе к Лорину находятся популярные в этих местах горячие источники. Возможность оценить тепло притягивает к лоринским ключам не меньше, чем их целительные свойства. Окунувшись в серный кипяток, я нагишом прохаживался по тридцатиградусному морозу, обозревая сопки и прозябших школьных инспекторов.

Лоринские ключи — это небольшая инфраструктура, состоящая из нескольких домиков, в которых можно отдыхать и лечиться, хотя обычно сюда предпочитают нагреться, ублажить себя и... исчезнуть. А для молодой чукчанки, которая здесь живет с трехлетней дочерью, ключи — место работы и полторы тысячи рублей зарплаты. Правда, денег она еще не получала. Раз в неделю ей привозят рис, ячневую крупу и хлеб. Других продуктов она не видит, но убеждена, что съедает больше, чем могла бы купить на зарплату. Возможно, вскоре здесь жизнь станет более насыщенной: рядом с источником строят парники, в которых будут выращивать овощи.

Лорино расположено на высоком берегу и видно за многие километры, напоминая рассыпанные на снегу семечки. Кажется, что

жизнь в нем должна быть невыносимой из-за ветров, штормов и метелей. Но все обстоит иначе. Здесь почти всегда тихая погода и, что удивительно, нет ветра. Жители признают, что лоринский климат отличается мягкостью, спокойствием и совершенно не похож на лаврентьевский. Чукчи умели выбирать места для проживания. Когда-то на этом побережье находились поселки Мечигмен, Раупелян, Аккани и Яндагай, но по указанию властей их жителей согнали в одно место, чтобы создать совхоз. Этим местом и стало Лорино, разросшееся в крупный поселок, а от покинутых селений остались лишь унылые урочища. Сейчас уже никто никого не гонит. Жизнь в отдаленных поселках такова, что люди их покидают сами и в поисках работы и куска хлеба переезжают в Лаврентия или Лорино. Происходит стихийное «укрупнение». Причем в Лорино стремятся больше, отчего поселок уже превосходит районный центр по числу жителей. В то же время отсюда выехали почти все русские семьи.

АЛЛА ФРАНЦЕВНА

Меня проводили в школу, где проходил предновогодний праздник. Старая одноэтажная школа для начальных классов оказалась полна детьми и родителями. Ученики были до безумства возбуждены. Только что закончился карнавал, и они расходились по домам. Расходились... Они кучами вываливались из дверей школы и продолжали кувыркаться в снегу. Одна такая куча прокатилась рядом со мной, на некоторое время распалась и застыла, отвлеченная моим фотоаппаратом. Затем фрагменты с еще большей яростью воссоединились и покатались в сторону. Тем временем из школы вываливалась новая куча... Каникулы!

Я был представлен учительнице русского языка и литературы, проработавшей в Чукотском районе сорок лет!

Алла Францевна закончила школу, затем Анадырское педучилище, Магаданский пединститут и вернулась в район. Вначале

преподавала в поселке Пинакуль, ныне не существующем, находившемся напротив Лаврентия, на другой стороне залива. Школа была небольшой, учителей не хватало, и Алла Францевна вела уроки сразу для четырех классов. Ученики садились в четыре ряда — с первого по четвертый класс, — и для каждого ряда преподавался отдельный урок. Кто, кроме самих учителей, сможет ответить, какого напряжения — умственного, душевного, физического — стоили эти «сеансы» одновременной учебы на нескольких школьных досках? А ведь в той пинакульской школе Алла Францевна была еще заведующей, завхозом и уборщицей. И было это, кажется, совсем недавно — в шестидесятых.

Теперь Алла Францевна отучила детей своих первых учеников и уже учит их внуков, но свои первые занятия, конечно, не забыла. Было немало такого, что приводило молодую учительницу в недоумение, заставляло врасплох. Как-то она задала загадку из учебника: «Семь одежек — и все без застежек». Чукотские дети хором ответили: «Семь камлеек!» Камлейка — нечто вроде большой ситцевой рубахи без пуговиц, которую надевают поверх кухлянки. А капусту дети видели лишь морскую. Тогда Алла Францевна, подстраиваясь под их мировосприятие, диктует: «Жили-были три охотника. Однажды они ушли в тундру. Двое потерялись. Сколько охотников вернулось?» Один из учеников встает и говорит: «Не может быть, чтобы в нашей тундре охотник потерялся. Мой дедушка пойдет и найдет».

У чукотских детей особое восприятие действительности, отличное от нашего. К ним нужен особый подход. И учебники должны быть особенными.

По словам Аллы Францевны, на русского учителя коренные жители смотрят как на старшего брата, который должен учить, помогать, содержать, лечить. Просто обязан! К этому их приучали с интернатов. И если что-то случается — они сразу бегут к учителю.

Алла Францевна живет одна. Кухонька, комнатка, паровое отопление, горячая вода. Отчего-то нет холодной... Почему одна да еще на краю света, не спросил. Главная беда в том, что не может

выехать в отпуск. Все деньги уходят на еду. Цены в Лорине еще выше лаврентьевских: доставка килограмма груза из Москвы в Анадырь стоит пятьдесят рублей, из Анадыря в Лаврентия — еще двадцать пять плюс разгрузка, добавим десять-пятнадцать за доставку в Лорино. Кто же повезет сюда книги? А уехать с Чукотки насовсем Алла Францевне не к кому. И все же лоринскую учительницу больше заботит то, что происходит не с нею, а вокруг.

«На медицину и образование денег жалеть нельзя. Погибнем! Сейчас нет средств посылать детей на учебу. А по конкурсу наши ученики в вузы не пройдут. Значит, у них нет перспективы. Ведь здесь работы нет. Что им делать? Остается пить. А лечение? Они же болеют и умирают, а лечить нечем. Сейчас может вновь начаться эпидемия туберкулеза. Столько лет боролись, вложили столько средств, столько труда, а туберкулез опять на пороге... Почему наше здравоохранение в таком загоне? На днях слышала, как один чукча пел под нос: *"Я сегодня голодный и злой. А когда я пьяный — я добрый"*. Впечатление жуткое... Безработица и безденежье угнетают. Хоть бы наладили производство корма для собак или кошек из остатков морского зверя. Ведь надо хоть чем-то занять людей...»

Еще Алла Францевна сказала, что, когда в школе какой-нибудь праздник, туда вместе с учениками приходят родители. Они становятся у стенки и молча смотрят на детей.

РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Основу жителей Лорина составляют чукчи — потомки охотников на морского зверя и сами тоже охотники. Но главный зверобой здесь — русский. Он промысловый инженер и, кроме того, ведет кружок в школе: учит детей охотничьему промыслу. У Романа Александровича в подчинении пять бригад, по восемь человек в

каждой. Охотятся на серого и гренландского китов, на моржей и на лахтака.

Роману тридцать лет, он крепкий и здоровый, но, если встретишь его в Москве или в Санкт-Петербурге, ни за что не определишь, что он занимается рискованным делом в Беринговом море. Роман — из Красноярска, служил в армии на Чукотке, женился на чукчанке и остался здесь жить. Вскоре у них родился сын. В 1995 году у жены случился инсульт, и она умерла. Роман один воспитывал сына. Потом женился во второй раз, и вновь на чукчанке. Сейчас сын учится в школе и посещает занятия кружка, которым руководит отец.

Когда я спросил, чем отличается чукчанка от русской, Роман смутился и ответил, что людей по национальности не делит. Потом все же отличия нашел. По его словам, чукчи мыслят иначе. Роман считает себя неплохим шахматистом, но чукчам нередко проигрывает: у них особый, нестандартный склад ума. Что до женщин, то их отличает преданность, исключительное трудолюбие и заботливость. Он также считает их очень ревнивыми.

В обязанности инженера входит организация промысла. Моржа, тем более кита — запросто не убьешь. Существуют рыбная инспекция, пограничные войска, администрация. Нужно все согласовать, получить разрешение и еще многое другое сделать, прежде чем выйдешь в море. Бумажная волокита еще та! Надо также технически обеспечить промысел, например, заказать трактор для перевозки лодок. Если Роман остается на берегу, то следит за охотой с крутого обрыва и корректирует охотников по радиосвязи.

Я высказался за то, что китов убивать жалко. Роман тут же парировал: «А людей не жалко?»

Он с раздражением сказал, что, прежде чем запрещать китовый промысел, надо запретить живущих здесь людей. Употребление мяса и без того ограничено десятью-пятнадцатью килограммами в месяц на человека. На окраине Лорина есть *лёдник* (с ударением на первом слоге) — нечто вроде мясного склада, который охраняют специальные работники, и они же продают мясо жителям поселка. Не только китовое, но и моржовое, и лахтачье, и нерпичье. Там же

заготовлено национальное блюдо кынгыт, но едва ли материковый житель станет его есть. А вот китовое мясо вполне приемлемо. Из него получают отличные пельмени и котлеты. Роман поясняет, что мясо кита по вкусу довольно разное. Все зависит от времени и способа добычи. Китовое мясо запрещено вывозить за пределы Чукотки, также торговать им можно только внутри округа. Есть международная китобойная комиссия, которая строго контролирует промысел. В то же время к Роману обращаются из других областей и даже из-за границы с просьбой продать китятину. Готовы приехать, загрузить и вывезти. Но нельзя. Не говоря уже о том, чтобы поставить дело на коммерческую основу и заработать хотя бы на лекарства детям и старикам или на новую китобойную технику.

Мне жалко китов, моржей, лахтаков. И коров жаль, и свиной, и овец. Но вот летом в Лорине не было сухого молока, и женщины, у которых дети на искусственном вскармливании, вынуждены были кормить их водой. Медикаментов в поселке нет, а те, что попадают, стоят столько, что купить их никто не в состоянии.

...Тысячелетие ушло на то, чтобы доказать: самый жестокий зверь — человек. Прошедший век смог убедить в том самых упертых скептиков. Ужасы, творимые гомо сапиенсом, заставили по-иному смотреть на кровожадных хищников, ядовитых пресмыкающихся и даже на ископаемых динозавров. Когда мы узнаем, что волк загрыз человека, невольно вырывается: «А чего он к зверям полез?» Я уж не говорю об умильных образах лисичек, львят, волчат и прочих заек, которым люди якобы не дают жить. Ей-богу, мы зверя бережем больше, чем человека, руководствуясь формулой: «Людей-то мы всегда сможем нарожать, а попробуй сделай кобылу». Защита животных на фоне безучастия к человеку иной раз выглядит патологией. А здесь, в тундре, всё на своих местах. Волк — не братец, а злой и вероломный враг, безжалостное и бесчувственное чудовище, готовое перегрызть глотку всему живому. Всё шевелящееся и имеющее плоть для него лишь драгоценные калории. Сам же волк — всего лишь шкура, которой можно укрыться от холода, а можно

продать или обменять на что-нибудь полезное. Собачья упряжка — не диковинный и экзотический способ прокатиться по заснеженной тундре, а единый, мобильный и злой организм, состоящий из сурового хозяина, не имеющего иных средств передвижения, и полуголодных псов, для которых все, от медведя до случайно попавшегося на пути ребенка, лишь более-менее качественная пища.

Для морзверобоя защищаемый мировой общественностью кит — это только огромный кусок мяса, ниспосланный свыше, чтобы дети, жена, мать не умерли от голода, не окоченели в заброшенной и забытой прибрежной деревне. Жить или не жить? — вот вопрос, который решает китобой, садясь в старую, утлую лодку и вступая в смертельный поединок с морским гигантом...

Кроме мяса, лоринские охотники получают китовый жир. Часть его отправляют оленеводам, а часть гниет, и его выбрасывают. Роман просил, чтобы разрешили продавать хотя бы этот жир. Но и это запрещено.

Что касается кружка, который Роман ведет в школе, то и он не для забавы. Если подросток, живущий на побережье, не будет знать, как добыть морского зверя, он в будущем может пропасть. Поэтому ребята выходят в море вместе со старшими. Начиная с девятого класса большинство из них могут самостоятельно охотиться на любого зверя, исключая кита, к которому детей не подпускают.

Роман рассказывает о лоринских морзверобоях с неподдельным восхищением:

«Мои зверобои выходят в беспокойное море на таких лодочках, на которых не то что охотиться — плавать страшно. А оружие? Первобытное! Бывает, кит переворачивает лодку, и охотники гибнут прямо на глазах родных и близких, которые наблюдают за охотой с обрыва. Да это и не охота, а настоящая борьба. Борется за жизнь кит — это правда, но за жизнь борются и люди: за свою и своих семей. Труд тяжелый, опасный. И кто, кроме зверобоев, способен выйти на пятнадцатиметрового кита, вес которого двадцать пять или тридцать тонн? А ведь надо подплыть к нему, точно поразить гарпуном, затем

бороться с ним, вытаскивать на берег... Надо быть героем! А зимняя охота на нерпу? Минус тридцать или даже сорок, да еще с ветром, а охотник сидит возле лунки и ждет, когда зверь вынырнет. И шесть часов может прождать, и семь, и восемь... Как только нерпа покажется, он должен выстрелить и попасть в нее. Затем надо сесть в байдарку из лахтачьей шкуры, подплыть к нерпе, вытащить её, добраться до кромки моря и после этого возвратиться в поселок, проехав на собачьей упряжке километров пятнадцать-двадцать, а то и больше. Люди здесь отчаянные и невероятно смелые».

Роман никуда с Чукотки уезжать не собирается. Он рад своей беспокойной жизни, когда каждый день не похож на предыдущий.

В конце встречи я решился попросить немного китятины, и Роман принес («на пробу») кусок, которым можно накормить целую роту. Мясо пахло травой и морским дном. Да, от него исходил запах глубины. Я передал эту китятину молодой эскимоске из Лаврентия, и она сделала котлеты.

ДЕТСКИЙ САД

На фоне окружающей нищеты лоринский детсад выглядит словно горячий источник посреди заснеженной тундры. Здание новое, внутри идеальная чистота, в комнатах светло и уютно, много игрушек, дети ухожены, ими занимаются. Уже при входе слышны звуки ярара. Пожилая эскимоска напевает. Дети в такт ярару танцуют.

«Как нерпочки делают? Нагнулись, нагнулись... Лежим на сопке, отдыхаем. Наелись, напились и лежим, греемся на солнышке... Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Коршун! Коршун летит! Смотрим кругом. Как коршун смотрит?.. Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... А это кто идет? Кто рычит? Смотрите! Страшный волк идет. Быстро убежали, спрятались!.. Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Поймали уже кого-то? Ой! Ну-ка бегом в море! Плываем, плывем, плывем... Ия-на, ия-на, ия-ия-

ия-на... Молодцы! Похлопаем нерпочкам. Теперь все встали. Ну-ка потанцуем. Набрали водички и умываемся. Умылись нерпочки. Молодцы! Теперь снова потанцуем... Ия-на, ия-на, ия-ия-ия-на... Сели в нарту и поехали! Поехали!..»

Среди детей выделялась трехлетняя девочка. Она танцевала и улыбалась с таким обаянием, что оторвать взгляд было невозможно. Я пытался ее сфотографировать, но, как только наводил объектив, «маленькая нерпочка» тотчас переставала танцевать и пряталась за спины других детей. Как ни старался, как ни уговаривал — тщетно. Наконец, я расположился на полу, притворился неодушевленным предметом и только после этого смог ее сфотографировать.

В детском садике есть даже этноцентр — нечто вроде краеведческого музея. На самом видном месте цитата из книги знаменитого здесь Юрия Рытхэу:

«Человек измеряется не только в высоту и в ширину, но и в глубину, в свое прошлое. Это прошлое он должен помнить: свой язык, своих предков, песни, сказки, словом, все».

ИНТЕРНАТ

Он расположен в старом одноэтажном здании барачного типа. Все, что здесь есть, ветхое и убогое. Из кроватей, покрывал, подушек, наволочек, тумбочек, из всякой вещи, включая стены и потолки, выжато всё, но этим «добром» еще долго будут пользоваться, без конца подновляя, подкрашивая, подмазывая, подкручивая и подвинчивая. Мне показалось, что всё выжато и из воспитательниц, нянечек, уборщиц...

Вот разговор с воспитательницей — Анной Николаевной Пытко.

— Откуда у вас украинская фамилия?

— Это чукотская фамилия. У меня мама чукчанка и папа чукча... По-украински было бы Пытько.

— Сколько здесь учеников и в чем наибольшая нужда?

— У нас проживают двадцать два ученика — из многодетных и малообеспеченных семей. Есть еще «вспомогательный» класс, из умственно отсталых детей. Их двенадцать.

— Чем вы их кормите?

— Тем, что достанет директор. В основном макаронные изделия. Осенью едим китятину. Сейчас — оленину. Как-то раз даже были котлеты.

— Кто одевает интернатовцев?

— Одеждой обеспечивает государство.

— Присылают или деньгами выдают?

— Уже много лет не присылали.

— Вы же говорите: «государство».

— Да, государство. Что накопилось в советское время, тем и обеспечивает.

— Когда в последний раз получали одежду?

— Давно. В девяностых годах...

— Когда привозили новые парты или стулья?

— Когда школу комплектовали. В восьмидесятых...

— Какая у вас зарплата, какой распорядок у воспитателей, как вы вообще занимаетесь с детьми?

— У меня получается где-то тысяча семьсот... Воспитательницы находятся в интернате с утра до девяти вечера. А ночью дети остаются с нянечкой... Нам их нечем занять. Нет игр, нет книг. Только телевизор, по которому показывают одну программу. Тетрадей нет, плохо с учебниками, про одежду говорили... Интернатских еще как-то кормим и одеваем, а вот своих... Сыну недавно купили ботинки за сто шестьдесят рублей. Он месяц проносил — и они порвались. А дорогую обувь, рублей за четыреста, мы себе позволить не можем. Интернатские одеваются неплохо. У них есть и нерпичья обувь, и пальто, только вот с шапками плохо. Шапок нет совсем.

— В чем же они ходят по такому морозу?

— В домашних шапках.

— Что значит «в домашних»?

— Значит, кто в чём может, в том и ходит...

Я прошел по коридору, заглядывая во все комнаты. В полутемном туалете (на Чукотке беда с лампочками) увидел несколько мальчишек. Один из них сунул голову под кран с ледяной водой, намылил хозяйственным мылом, сполоснул и вытер тонким «вафельным» полотенцем. Вся процедура заняла минуту-полторы.

В одной из комнат собралась часть воспитанников. Они сидели на грубо сбитых скамейках и смотрели телевизор. На стене висела простыня. Кто-то нарисовал на ней полярный поселок с большой церковью и вывел надпись: «С Рождеством!»

Увидев меня, дети отвлеклись от телевизора. Я достал диктофон и, обращаясь к одному из интернатовцев, спросил, станет ли он охотником. Все дружно рассмеялись. Оказалось, я обратился к девочке...

У другого спросил, забирают ли его на выходные домой. Дети вновь засмеялись, а мальчишка ответил, что у него нет дома...

У третьего поинтересовался, кем работают родители, но он сказал, что у него родителей нет...

Я убрал диктофон и молча глядел на детей. Они с любопытством и тоже молча смотрели на меня.

Когда я вышел в коридор, дети высыпали за мной. Им хотелось поговорить. Я пробыл в их окружении пятнадцать минут и, если бы меня не торопили, оставался бы дольше: более внимательного и бережного отношения к себе еще не встречал. Я даже почувствовал, что никогда и никому не был так нужен, как стоящим передо мной лоринским интернатовцам.... У самого маленького изуродовано лицо.

— Что с ним?

— Собака покусала. Слишком близко подошел к упряжке. У нас таких много.

Все рассмеялись, включая покусанного.

ДОРОГА ИЗ ЛОРИНА

В Лаврентия возвращались в полной темноте. Видимость была ограничена отрезком дороги, освещаемым фарами. Ночь затушевала дневные картины, и, если бы я их не видел, не поверил бы, что вокруг нескончаемые пространства. Быть может, поэтому я попросил водителя остановиться, заглушить мотор и выключить фары. Затем вышел из «уазика», но отойти от него дальше, чем на двадцать шагов, не решился...

Я ничего не увидел, потому что вокруг не оказалось ничего, что можно было бы видеть. И не слышал ничего, так как неоткуда и не из чего было взяться даже малейшему шороху. Где-то за моей спиной должны быть невидимые сейчас сопки. Огромный материк — Евразия, начинаясь здесь, заканчивается на побережье Атлантики, а прямо передо мной должна быть кромка Берингова моря, и сразу за морем — Тихий океан... Это значит, что земная твердь, обрываясь в километре от меня, проявится лишь у берегов Антарктиды! Такого владычества природы над собой я не ощущал никогда. Ни горы, ни океан, ни пустыня, приводившие меня в трепет и благоговение, не вызывали столь жуткого, поистине первобытного страха, который породил во мне этот холодный, безмолвный и равнодушный мрак. Вероятно, потому, что горы, пустыни и океаны — составные части Земли, порождение ее в той же степени, что и мы, люди, из праха происшедшие и в прах возвращающиеся, и, если я сгину в волнах, замерзну во льдах, провалюсь в бездонную трещину или испепелит меня солнце — прах мой все же останется на Земле и будет принадлежать ей, как принадлежал всегда. В этом смысле все земные стихии — мои, а сам я — их часть. Но, оказавшись в одиночестве посреди мерцающих звезд, я ощутил нечто к Земле не относящееся и считаться *моим* не могущее. Я бы радовался даже луне, но и её не было. Всё — от горизонта до горизонта — было усеяно мириадами звезд, и если существует небосклон (склонившееся небо), то именно теперь я находился посреди него. Холодные, далекие, чужие звезды были надо мной, вокруг и даже ниже меня. Они безмолвно мерцали, не отражая, но поглощая свет. Так же для кого-то мерцает Земля, с

океанами, пустынями и горными вершинами, в масштабах Космоса попросту не существующими. Нет, ничто не идет в сравнение с тем страхом, в сочетании с удивлением и восторгом, порождаемым этим бесконечным мраком, где Земля — лишь одна из пылинок, которую, едва упустив из виду, уже и не отыщешь. Не от соприкосновения ли с этим жутким отчуждением особая гордость космонавтов и ведомая только им тайна, позволяющая дорожить Землею иначе, чем дорожат все остальные?..

Простояв еще минуту, я забрался в крохотный, теплый, спасительный «уазик», внутри которого обменивались веселыми историями милые и добрые люди. Я словно возвратился к землянам, вернулся к своим. Уверяю, что только одна эта возможность оказаться посреди звезд стоит того, чтобы побывать на зимней дороге на краю Земли.

* * *

В этот же день в тундре сгорели заживо шесть лоринских оленеводов. В ста километрах от села, на перевале Эренвеем. О беде узнали спустя сутки. Все это время стадо оленей оставалось без присмотра, и пока никто не знает, что с ними.

Вот так! Сгорели! А казалось бы, в декабре в тундре проще замерзнуть.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ МОРЖЕЙ НА ЛЕЖБИЩЕ И В ПРИБРЕЖНЫХ ВОДАХ

«...Более подвижными и беспокойными на лежбище являются, безусловно, молодые звери. Это хорошо бывает заметно при неожиданном испуге. В этом случае молодые,

толкаясь, с шумом, хрюканьем и резкими криками лавиной устремляются к воде, а старые звери медленно поворачиваются в сторону опасности, кряхтят, негромко лают и всем своим видом показывают нежелание уходить с "обжитого" места. Такое спокойное поведение старших успокоительно действует и на молодежь, которая вскоре приостанавливает свое движение и начинает возвращаться обратно...

Старые звери ведут себя более спокойно, где бы они ни находились. В частности, в воде у самой залежки приходилось наблюдать по нескольку часов подряд громадных почти белых моржей, покрытых бугристой кожей. Возможно, что меньшее число таких старых животных в центральных частях залежки объясняется тем, что они выбирают места, где бы их не толкали и не теребили соседи.

Залежка находится в постоянном движении. Это относится не только к передвижениям зверей по суше и в воде, но и к поведению лежащих зверей, которые почти непрерывно ворочаются, переваливаются с бока на бок, наваливаются на соседа или, наоборот, стараются из-под соседа вылезти. Нередки случаи, когда моржи лежат друг на друге буквально в два "этажа". Неоднократно наблюдался и третий "этаж" зверей, но он бывал обычно недолговременным, и верхние звери, пробившись сквозь массу тел, спускались ниже».

«Краеведческие записки».
Выпуск IV, Магадан, 1962, С.162-163

**Из книги Валентины Вэкэт
«Кагъегыргын». М., 1997 г.:**

«...Когда море крепко замерзло и встал припай, выдержавший силу первого южака, начинается обучение будущих охотников. Дед или отец учит малыша, как ставить

сетку на нерпу на припае. Малыш в восторге: он встал на охотничью тропу и во всем подражает взрослым. Увидит дед, что идет взрослый сын с охоты со связкой нерп, берет с собой внука и идет навстречу. Отвязывает самую маленькую нерпу, надевает на внука лямки и велит тащить нерпу домой. Тяжело малышу. На ровном месте нерпа скользит легко, на неровностях застревает, цепляется за льдины. Но дед рядом. "О-о! Сильный, сильный ты!" — подбадривает он внука и показывает, как лучше выбирать удобную тропу в торосах. А у яранги он, как и его отец, подтаскивает нерпу к дверям и ждет, когда из деревянного ковшика напоят нерпу-гостью, и по древней традиции выливает остатки воды в сторону моря. И только после этого заносят нерпу в тепло для разделки.

Голодные соседи и вдовы сразу узнают, что пришли с добычей, идут и тут же получают кусок жира и мяса. И часто бывает, что не успевают хозяйка обработать всю нерпу, как от нее остаются только голова, потроха и ласты. Ставит кастрюлю и варит остатки. Дети рады удаче отца и с нетерпением ждут свежатинки. Пока варится мясо, девочка разносит по куску мяса слабым и больным старушкам, которые постеснялись прийти сами. Когда девочка приносит подарок, то, чтобы посуда не продырявилась, ее взаимно тоже одаривают подарком: дают лакомые кусочки из оленьих кишок, кусочек белой мандарки в знак благодарности. Вся семья довольна и сыта, кажется, всех соседей одарили, никого не обидели...»